

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 759-767. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.759
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Discussion between Central and Regional Authorities on the Topic of the Affiliation of Muslim Schools in Turkestan (the late half of the 19th – the beginning of the 20th centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The paper contents the analyze of the discussion between Russian central and regional Authorities, which emerged at the turn of 19th – 20th centuries on the question of affiliation of the Muslim schools of Turkestan. Its cause was the growth of Islamophobia, which intensified amid the consolidation of Muslims of the Russian Empire. The Ministry of the interior, the Military Ministry and the administration of Turkestan were convinced of the need to take urgent measures aimed at tightening state control over the Muslim school. In the discussion, they stressed that the Ministry of public education was not able to provide quality supervision and counteract the increase in the number of mektebs and madrasahs. They proposed to withdraw the control of the Muslim school from the competence of the Ministry of public education and to transfer to the administration of Turkestan, subordinate to the Military Ministry. At the same time, the complication of the procedure of opening new educational institutions, tighter control over the process of teaching and the selection of personnel in them were projected. The Ministry of public education, in turn, considered the course he had chosen to be justified. According to the Ministry, non-interference in the internal life of the Muslim community allowed the Russian administration to successfully form a regional management system, while avoiding outbreaks of Muslim fanaticism. The debate over the departmental affiliation of the Muslim school of Turkestan, which lasted for about six years, ended with the victory of the Ministry of public education. The main reason was the desire of the ruling circles to prevent the strengthening of the positions of the Turkestan Governor-General, since at the same time during this period there was a reduction in a number of his official powers aimed at limiting power.

Keywords: Russia, Turkestan, Empire, Muslim school, Mekteb, madrasah, discussion.

1. Введение

В системе административно-территориального управления Туркестанским генерал-губернаторством «мусульманский вопрос» занимал одну из ключевых позиций. Необходимость создания нормативно-правовой базы функционирования мусульманской общины региона признавалась как центральными, так и региональными органами власти. Однако на протяжении 60–80 гг. XIX в. правительство в данном направлении не предпринимало каких-либо серьезных и целенаправленных действий. Объяснялось данное обстоятельство, как минимум, двумя факторами. Во-первых, в Туркестанском крае проживало 90,29 % всех мусульман России (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603. Л. 1-7). Поэтому любые попытки вмешательства в жизнь мусульманской уммы региона пресекались из-за опасения спровоцировать вспышки религиозного фанатизма.

Во-вторых, позиция правительства по «мусульманскому вопросу» в Туркестане опиралась на взгляды его первого генерал-губернатора К.П. Кауфмана, имевшего огромный авторитет и влияние в политических кругах империи. Последний был убежден, что для закрепления российского влияния в

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

регионе необходимо следовать тактике игнорирования исламских институтов, в том числе мусульманской школы. Администратор предполагал, что последняя в условиях формирования российской образовательной системы на основе русско-туземной школы не выдержит конкуренции, придет к деградации и потере авторитета у коренного мусульманского населения (Остроумов, 1899).

Именно поэтому в Положениях по управлению Туркестанским генерал-губернаторством (1886 г.) и степным краем (1892 г.) уделялось минимальное внимание вопросам регулирования жизнедеятельности мусульманских институтов и фактически не затрагивались вопросы функционирования мусульманских начальных и высших учебных заведений. Их создание законодательным образом в Туркестане не ограничивалось. На основании ст. 98 Положения 1886 г. мусульманским обществам разрешалось свободно открывать мектебы, содержать школы и учителей-мулл за свой счет. Аналогичный порядок определялся ст. 99 Положения об управлении Семиреченской областью 1891 г. Никаких ограничительных норм в вопросе функционирования мусульманской школы не содержало и «Временное положение об управлении Закаспийской области» 1890 г.

С начала 90-х гг. XIX в. в правительственных кругах сформировалось убеждение о необходимости корректировки правительственного курса в отношении «мусульманского вопроса» в Туркестане в целом, и мусульманской школы в частности. В пореформенный период активизация политики интеграции национальных регионов в общеимперское пространство требовала создания унифицированной управленческой модели для всей территории страны. Поэтому в рамках образовательной реформы в 1874 г. под контроль Министерства народного просвещения была передана вся совокупность светских и конфессиональных образовательных учреждений империи. Таким образом, мусульманское духовенство лишалось права бесконтрольного заведования мектебами и медресе (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. L.: 164). Однако, как показала сложившаяся в Туркестане к концу 80-х гг. XIX в. ситуация, установить фактическое наблюдение и контроль со стороны Министерства народного просвещения за огромным числом мусульманских школ, разбросанных на значительной территории Туркестана, при наличии всего двух региональных инспекторов народных училищ оказалось невозможно (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 204-207об.). Поэтому большинство чиновников МВД и МНП признало «несвоевременным не только установление каких-либо определенных программ учебных курсов для мектебов и медресе, но даже и составление инструкций относительно порядка заведования мусульманскими школами» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 204-204об.).

Кроме этого, необходимость пересмотра политики государства в отношении мусульманских учебных заведений Туркестана диктовалась неизменным ростом их численности на протяжении последних десятилетий XIX – начала XX вв. По данным региональных органов власти, в конце XIX в. «на 119 русских учебных заведений разных наименований в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях приходилось 5246 мусульманских училищ» (Духовской, 1899: 14). Таким образом, некогда позитивные прогнозы туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана о постепенном падении авторитета и популярности мусульманской школы среди коренного населения на фоне усиления присутствия русского начала и русско-туземной школы не оправдали себя.

Принятие неотложных мер, направленных на усиление контроля за мусульманской школой Туркестана в «духе государственных интересов», диктовалось и ростом исламофобии у политической элиты Российской империи, которая во многом основывалась на фактах роста численности мусульманского населения империи, усиления процессов его этноконфессиональной интеграции. В региональном срезе подпиткой исламофобских настроений выступили события 1898 г. в Андижане, принявшие форму религиозного движения и ставшие полной неожиданностью для краевой власти (Бабаджанов, 2009).

В целом, к началу 90-х гг. XIX в. правильность курса К.П. Кауфмана, связанного с практикой «игнорирования ислама», была поставлена под сомнение и признана стратегически неверной. Последовавшая правительственная дискуссия разворачивалась под лозунгом «усиления контроля за мусульманской общиной Туркестана». Наряду с вопросами законодательного регулирования процесса открытия новых школ и мечетей, контроля за мусульманским духовенством и его вакуфным имуществом, важной составляющей данной дискуссии стал вопрос о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана.

2. Материалы и методы

Методологической основой статьи выступает теория локальных цивилизаций, в рамках которой развитие мусульманской школы Туркестана рассматривается как локальный исторический процесс, связанный с особенностями политического, экономического и культурного развития региона. Историко-генетический метод применялся при выявлении причин возникновения правительственной дискуссии, призванной определить ведомственную принадлежность мусульманских учебных заведений центральноазиатских окраин России; историко-сравнительный метод – для анализа аргументов и позиции министерств в данной дискуссии.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты и материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти Российской империи. В первую группу включены Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1967 и 1886 гг.,

Закаспийской областью 1890 г. и степным краем 1892 г., а также законопроекты по изменению системы управления конфессиональной школой региона, готовившиеся правительством на рубеже 90-х гг. XIX – начала XX в. Вторая группа источников представлена серией документов делопроизводственного характера: всеподданнейшими отчетами туркестанских генерал-губернаторов, межведомственной перепиской центральных органов власти – МВД, Военного министерства, Министерства народного просвещения с региональными органами власти Туркестана, протоколами совещаний, заключениями правительственных комиссий, проектами реорганизации системы управления мусульманской школой региона. Основной массив источников данной группы выявлен в РГИА (Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий, Ф. 1396 – Ревизия сенатора Палена Туркестанского края), а также в АВПРИ. Совокупность использованных документов и материалов позволяет проследить эволюцию подходов правительства к решению «мусульманского вопроса» в Туркестане, реконструировать правовые механизмы функционирования мусульманских учебных заведений, определить позиции министерств, содержание дискуссии и ее результаты по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы.

3. Обсуждение

В советской историографии история Российской империи рассматривалась вне контекста ее поликонфессиональности и полиэтничности. В рамках формационной теории господствующей тенденцией являлось изучение вопросов социально-экономического развития национальных окраин и доказательство тезиса «о союзе русского пролетариата с угнетенными народами империи для борьбы против самодержавия». Именно поэтому в советский период не появилось ни одного специального исследования, освещающего вопросы этнической и религиозной политики Российской империи в Туркестане, трансформации его социокультурного пространства, в том числе в отношении мусульманской школы. Исключение составляет незначительная по объему работа Н. Сабитова ([Сабитов, 1950](#)), в которой системе мусульманского образования региона дана крайне негативная оценка.

На современном этапе в рамках имперского дискурса сформировалось достаточно широкое предметное поле этноконфессионального аспекта истории Российской империи. Это позволило актуализировать изучение «мусульманского вопроса» – политики государства в отношении мусульманских институтов, в том числе в региональном измерении. Непосредственно вопросы координации деятельности мусульманской школы Туркестана исследовали российские ученые А.К. Тихонов, Т.В. Котюкова, А.Ю. Бахтурина, М.Е. Шушкова ([Тихонов, 2008](#); [Котюкова, 2010](#); [Бахтурина, 2004](#); [Шушкова, 2012](#)). В целом, они оценивают политику России в отношении мусульманского образования региона как взвешенную, отвечающую требованиям и вызовам эпохи. В исследованиях центральноазиатских ученых образовательная политика России и ее попытки реформирования мусульманской школы оцениваются как «духовная экспансия» ([Садвокасова, 2005](#)). Значительно дополнить представления по данной проблеме сможет сюжет, посвященный анализу правительственной дискуссии по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана, который до сих пор оставался за рамками внимания исследователей.

4. Результаты

Поводом для новой правительственной дискуссии о судьбе мусульманской школы Туркестана стали события анджанского восстания 1898 г., в ходе которых около двух тысяч вооруженных мусульман под руководством Дукчи-ишана атаковали казармы российских войск в Андижане. В итоге было убито 22 и ранено 18 солдат русской армии ([Бабаджанов, 2009](#)). Назначенный в этот период на должность туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовской по итогам расследования представил в 1899 г. императору Николаю II Всеподданнейший доклад «Ислам в Туркестане», ключевым выводом которого стал тезис о «не только нежелательности, но и невозможности дальнейшего игнорирования ислама» ([Императорская Россия..., 2006: 196-197](#)). Следствием доклада С.М. Духовского стала работа межведомственной комиссии, которая завершилась в сентябре 1899 г. разработкой трех проектов Положений: 1) об управлении духовными делами мусульман, 2) об управлении мусульманскими учебными заведениями и 3) об управлении вакуфами ([АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 2-7](#)).

Проект Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями предполагал передачу мусульманских начальных и высших школ Туркестанского края (медресе и мектебов) из компетенции МНП «в общее ведение областной и уездной администрации», которая, как известно, по Положению об управлении 1886 г. подчинялась Военному министерству. При этом контроль за русскими классами, открывавшимися при медресе, сохранился за инспекторами народных училищ МНП. Ст. 10 и 11 проекта Положения регламентировали процесс закрытия и открытия новых мусульманских образовательных учреждений. Так, высшая школа – медресе – открывалась и закрывалась с разрешения генерал-губернатора, а начальная школа – мектеб – уездных начальников. С целью реализации закона 1870 г. об обязательном изучении русского языка в иноверческих и инородческих образовательных учреждениях проект Положения предполагал открытие новых

мусульманских школ в Туркестане только при условии «введения в них классов русского языка и обеспечения содержания последних» (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 8-10).

В связи с тем, что в проекте Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями, представленном Межведомственным совещанием, предполагалась передача контроля за ними административно-полицейским учреждениям края, круг деятельности последних должен был значительно расшириться. Поэтому Совещание настаивало на увеличении штата региональных органов власти «пропорционально требованиям каждой области». Так, для Ферганской области, занимавшей первое место в Туркестане «и по проявлению мусульманского фанатизма, и по количеству разных духовных учреждений и вакуфов», «увеличение штата как областного, так и уездных правлений должно быть наибольшим». За Ферганской областью должна следовать Самаркандская, а затем Сыр-Дарьинская. Проектировалось также увеличение штатов уездных управлений. Для занятия новых должностей рекомендовалось привлекать офицеров, окончивших курсы восточных языков (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 14-200б.).

Поддерживая редакцию проекта Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями, туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской считал передачу в ведение администрации всех туземных мусульманских школ крайне рациональной мерой. Он также настаивал на «тщательной регистрации всех мусульманских духовных учреждений», «предоставлении генерал-губернатору права упразднения тех мусульманских учреждений, которые будут признаваться вредными в политическом отношении».

Военное министерство, поддерживая туркестанскую администрацию, предложило ужесточить некоторые статьи проекта Положения о мусульманской школе. В частности, оно настаивало на редакции ст. 10 и предлагало открытие и закрытие всех типов учебных мусульманских заведений – низших и высших – предоставить компетенции исключительно военных губернаторов областей. В ст. 10 рекомендовалось обязать руководство уже действовавших к моменту утверждения Положения медресе ввести в образовательный процесс курс русского языка «в течение трехлетнего со времени обнародования Положения». Военное министерство также поддержало идею о невмешательстве региональной администрации в образовательный процесс (АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 2-7).

Таким образом, представленный проект Положения об управлении мусульманскими учебными заведениями Туркестана предполагал перераспределение властных полномочий между Министерством народного просвещения, с одной стороны, Военным министерством и подчинявшимся ему туркестанским генерал-губернатором, с другой. На основании проекта предлагалось отменить в регионе действие Закона 1874 г. и передать мусульманские образовательные учреждения в ведение Военного министерства для «замены педагогического наблюдения внешним полицейским надзором» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 259-2590б.). Основанием для изъятия мусульманской школы из компетенции МНП стал тезис о его неспособности выполнять функции контроля за ней.

В МНП проектируемое Положение об управлении мусульманскими учебными заведениями Туркестана вызвало волну критики. Его руководство предложило провести экспертизу развития мусульманской школы в регионах компактного проживания мусульман и затребовало от попечителей Казанского, Одесского, Оренбургского и Кавказского учебных округов соответствующую информацию. На ее основании в октябре 1901 г. МНП представило министру внутренних дел Д.С. Сипягину письмо, в котором настаивало на правильности выбранного им курса в отношении мусульманской школы.

Его автор, товарищ министра народного просвещения, сенатор И.В. Мещанинов подчеркивал, что «учебное ведомство предполагало, не касаясь мусульманских учебных предметов, постепенно и последовательно приблизить мусульманские школы к типу школ общегосударственных, с обязательным изучением в них русского языка и преподаванием общеобразовательных предметов на русском языке». Он также отметил, что «действующие законы Российской империи предоставляют магометанам свободу веры. В задачи учебного ведомства не входило в чем-либо стеснять сию свободу. Но оно не без основания полагало, что при постепенном введении в мусульманских школах русского языка и преподавания общеобразовательных предметов на русском языке влияние мусульманских школ, как исключительно вероисповедных, будет ослаблено, так как школы эти будут лишены того узко-одностороннего направления, которое характеризует их в настоящее время». Именно данный курс, по мнению руководства МНП, создавал условия для «сближения мусульман с русским населением» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 259-262).

Министерство народного просвещения настаивало на дальнейшем следовании курсу «игнорирования мусульманских институтов и мусульманской школы» Туркестана. Его изменение МНП считало нецелесообразным по целому ряду причин. Во-первых, предоставленные самим себе мусульманские учебные заведения (без упорядочения модели обучения и методики преподавания) по-прежнему «обрекались на рутину и застой мусульманской науки», что создало надежный барьер для просвещения мусульманского населения, «усиления его как образованного поборника магометанства» и роста мусульманского фанатизма. Во-вторых, любое изменение либерального/веротерпимого курса религиозной политики, которому на протяжении десятилетий следовало государство в отношении иноверия, могло, по мнению Министерства народного

просвещения, спровоцировать рост недовольства со стороны мусульманского населения. Приведенные аргументы давали сенатору И.В. Мещанинову основание для вывода о нецелесообразности усиления правительственного контроля за мусульманской школой Туркестанского края и тем более изменения ее ведомственной принадлежности (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 259-262).

17 октября 1901 г. министр народного просвещения, генерал П.С. Ванновский, писал министру внутренних дел Д.С. Сипягину, что его ведомство выступает категорически против передачи «учебной части» в Туркестанском крае в ведение военного министра. П.С. Ванновский хотел сыграть на традиционных противоречиях между МВД и Военным министерством по вопросу об управлении территориями в Туркестанском генерал-губернаторстве. Однако он просчитался, так как Д.С. Сипягин неожиданно поддержал идею С.М. Духовского о переподчинении учебного ведомства краевой администрации (Котюкова, 2009).

Свою позицию Д.С. Сипягин выразил в выписке на имя военного министра А.Н. Куропаткина от 19 марта 1901 г., признав тот факт, что правительство «не имеет возможности молниеносного вовлечения» в систему российского светского образования коренного населения Туркестана. Поэтому он допускал возможность сохранения традиционной мусульманской школы, при условии постановки ее «в определенные нормы, вне школы государственной и как бы ниже ее» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 254-254об.). Конкретные предложения Д.С. Сипягина по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана нашли отражение в Своде предположений Министерства внутренних дел «Об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края» от 1901 г.

Согласно мнению МВД, все мусульманские учебные заведения региона – начальные магометанские училища, мектебы и медресе – должны подчиняться административной власти в лице уездных начальников. Организацию учебного процесса в них следовало допускать, по мнению МВД, только после получения письменного разрешения уездного начальника и ежегодной выплаты в казну «особого сбора в пользу местных государственных русско-туземных школ». Его размер предлагалось установить для медресе – до 10 руб., для мектебов – от 3 до 5 руб., в зависимости от области Туркестана и числа учеников. Сбор должен был вноситься в уездное казначейство в депозит генерал-губернатора не позднее 1 сентября каждого года, а квитанция представляться уездному начальнику для получения «разрешительного свидетельства» на право преподавания (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 255-256об.).

В рамках Свода предложений содержатели и заведующие медресе и мектебов обязывались ежегодно к 1 октября представлять уездному начальнику ведомость о местонахождении и помещении училища, о лицах, преподающих в нем и о количестве учеников, с указанием их возраста и срока обучения. Содержать в мектебе учеников старше тринадцатилетнего возраста, а в медресе – восемнадцатилетнего, «без особого в каждом отдельном случае разрешения уездного начальника», МВД предлагало запретить. Ст. 10 Свода предположений возлагала ответственность на содержателей медресе и мектебов за порядок в них, соблюдение санитарных норм, лояльность обучающихся государственной власти посредством внушения «им уважения к старшим и к властям, любви к Государю и к отечеству». Нарушившие данные условия распоряжением военного губернатора области лишались права на дальнейшее преподавание и содержание учеников, «и самое мектебе или медресе в случае обнаружения важных беспорядков» могло быть временно или совсем закрыто по распоряжению генерал-губернатора Туркестанского края (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 255-256об.).

Сменивший весной 1902 г. Д.С. Сипягина на посту министра внутренних дел В.К. Плеве заявил о преемственности курса в вопросе межведомственной принадлежности мусульманской школы. В декабре этого года товарищ министра внутренних дел, сенатор П.Н. Дурново, представил на имя управляющего Министерством народного просвещения Г.Э. Зенгера письмо, в котором подчеркнул, что МВД признает «проектируемую меру правильной» и «не находит препятствий к исходатайствованию утверждения таковой» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 318-319об.).

П.Н. Дурново также подчеркнул, что МВД и его новое руководство поддерживает подготовленный под руководством Д.С. Сипягина Свод предположений «Об управлении духовными делами мусульман Туркестанского края» от 1901 г. При этом МВД считало, что внесение в разрабатываемый проект пункта об обязательном преподавании русского языка в мусульманских школах Туркестана нецелесообразно, поскольку его реализация на практике может встретить сопротивление «со стороны несочувствующего ему магометанского населения» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 318-319об.).

В начале 1903 г. правительственная дискуссия по вопросу о ведомственной принадлежности продолжилась. МНП лихорадочно пыталось переубедить МВД и доказать ошибочность его взглядов на проблему. В конце марта 1903 г. товарищ министра народного просвещения С.М. Лукьянов представил пространное Отношение на имя министра внутренних дел В.К. Плеве, в котором представил новые аргументы МНП по данному вопросу.

Прежде всего С.М. Лукьянов отмечал, что в начале XX в. изменилась общественно-политическая ситуация и обозначились четкие интеграционные процессы мусульманского населения империи. Это выразилось в целом ряде факторов: росте численности мечетей, развитии издательской

деятельности на татарском языке, появлении в Казанской, Уфимской, Оренбургской губерниях и Туркестане новометодных школ. Отмечался и факт формирования российской мусульманской интеллигенции, выступающей за либерализацию ислама и школьного обучения. Это выразилось в «открытии женских школ для магометанок, учреждении приютов для детей мусульман, введении в мектебе и медресе звукового способа при обучении чтению по-татарски, распространении среди магометанской интеллигенции не разрешенных русскою цензурою сочинений, написанных в защиту и пропаганду ислама» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 322об.).

На основании данных фактов С.М. Лукьянов делал вывод о том, что мусульманская школа представляет собой «сложное явление», требующее «деятельного, компетентного и авторитетного надзора правительства». Предложение об изъятии этой школы из ведения Министерства народного просвещения и передаче в ведение общей администрации приведет к «замене деятельного школьного надзора надзором фиктивным, равносильным предоставлению школы самой себе, ... надзором, который не будет ни достаточно деятелен, ни компетентен, ни авторитетен». В МНП были убеждены, что чиновники туркестанской администрации не обладают достаточными профессиональными навыками, необходимыми для осуществления необходимого контроля за школой. «Они часто решительно, – подчеркивал в своем Отношении С.М. Лукьянов, – не в состоянии будут подмечать того, что заслуживало бы самого серьезного внимания. К этому необходимо присовокупить, что, обремененные массою своих прямых неотложных дел, они не будут иметь достаточного времени для того, чтобы вдумываться в факты и явления школьной жизни. Не будучи же подготовлены к своей роли наблюдателей школы и не обладая ни нужными знаниями, чтобы правильно судить о значении проявлений ее жизни, ни достаточным досугом, чтобы принимать решения после серьезного и предусмотрительного обсуждения дела, чины местной общей администрации не избегнут многих ошибок, которые будут подрывать их авторитет. ...Это по необходимости будет надзор бессильный, ибо на каждое серьезное действие чиновник должен будет испрашивать распоряжения высшей власти. Такие условия дела приведут к необходимости самого умеренного применения прав надзора или, другими словами, к его фактическому упразднению или предоставлению мусульманской школы самой себе, как и хотела бы Туркестанская администрация» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 322).

В пользу сохранения за МНП функций по надзору мусульманской школы С.М. Лукьянов привел еще один немаловажный аргумент. Он отмечал, что попытки установить более жесткий контроль за мусульманской школой уже предпринимались в 70–80-х гг. XIX в., но неизменно встречали сопротивление со стороны мусульман империи. Поэтому он был убежден, что проектируемое Положение «может послужить поводом по возбуждению неудовольствия среди мусульман, которые усмотрят в правилах инструкции меры, направленные к стеснению мусульманской религии» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 324об. П325).

Аргументом в пользу сохранения за МНП надзора за мусульманской школой выступал и тот фактор, что «путем более или менее частых посещений школ органами учебного ведомства, она за 25 лет со дня введения закона 1874 г. о передаче конфессиональной школы под контроль МНП, приучила мусульманское население и мулл «к мысли о небесконтрольности сих школ и о подчиненности их учебному ведомству». Единогласные свидетельства губернских инспекций народных училищ свидетельствовали о том, что «умелая и благожелательная деятельность школьной инспекции вполне приучила мусульманское население к контролю Министерства народного просвещения; ...муллы уже привыкли видеть в лице инспекторов народных училищ своих прямых начальников, так как последние посещают эти школы, собирают о них сведения». В Туркестанском крае, по свидетельству бывшего инспектора народных училищ Н.П. Остроумова, медресе также «подчинились инспекторскому надзору и до сих пор не заявляли особо резких протестов» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 325об.).

На основании приведенных аргументов С.М. Лукьянов в своем Отношении подчеркивал, что «едва ли можно отрицать, что школьная инспекция народных училищ МНП, являющаяся в области мусульманской школы представительницей русского государственного начала, не только не встретила какой-либо систематической оппозиции мусульманского населения, но в известной мере даже сумела привлечь симпатии лучшей части мусульманского общества». Поэтому чиновник был убежден в том, что цель Закона 1874 г. «вполне достигнута» и изменять выбранный правительством курс в отношении мусульманской школы Туркестана было бы «политической ошибкой». В противном случае С.М. Лукьянов прогнозировал рост мусульманского недовольства и падение авторитета российской власти в регионе (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 330-332об.).

Правительственная дискуссия о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестанского края завершилась победой Министерства народного просвещения. В марте 1906 г. были утверждены Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России, статья 32 которых определяла, что «общий надзор за частными инородческими училищами (магометанскими, ламаистскими и проч.) возлагается на инспекторов инородческих училищ» МНП. Частные инородческие вероисповедальные училища открывались «с разрешения инспектора инородческих училищ по представлении надлежащих удостоверений в том, что содержание училища обеспечено необходимыми для того средствами, что при нем будет состоять класс русского языка». К употреблению в вероисповедальных училищах, согласно ст. 35 Правил,

допускались только те учебные руководства и пособия, которые были изданы в России, «прочие же не иначе как с особого в каждом отдельном случае разрешения инспектора народных училищ» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 238-241об.).

Победа МНП в многолетней дискуссии о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана вряд ли можно объяснить слабостью аргументов Военного министерства и чиновников региональной администрации. Очевидно, что кардинальное решение «мусульманского вопроса» – ужесточение контроля со стороны государства – на фоне революционной общественно-политической ситуации в стране было крайне необходимо. Но прогнозируемый в случае принятия соответствующих мер рост мусульманского фанатизм в конечном итоге вынудил власти проявить осторожность и последовательность в данном вопросе и отказаться от решительных действий.

Представляется также, что на окончательное принятие решения о ведомственной принадлежности мусульманской школы повлиял еще один немаловажный фактор. Речь идет об институте туркестанского генерал-губернатора. В условиях «удаленности края от центра и отсутствия стабильных коммуникаций» требовалось создание эффективной модели оперативного управления Туркестаном. В результате к 80 гг. XIX в. должностной функционал генерал-губернаторов превратил их в полновластных администраторов края, позволял сконцентрировать в их руках гражданскую, военную, дипломатическую власть (Бахтурина, 2004: 283).

Неограниченные полномочия генерал-губернаторов превращали их в единоличных правителей, что не могло не вызывать опасений у центральных органов власти. Поэтому в конце 80-х гг. XIX в. правительство признало созданную административную модель управления Туркестаном неэффективной. Большинство министерств потребовало перераспределения функций генерал-губернатора. Следствием стали реформы, направленные на изменение системы управления регионом и поэтапное ограничение полномочий генерал-губернатора. В русле данных тенденций вряд ли возможно было положительное решение вопроса о передаче надзора за мусульманской школой из ведения Министерства народного просвещения в ведение Военного министерства и краевой администрации. Попытки последних получить административный надзор за мектебами и медресе можно рассматривать как определенную компенсацию утраченных функций и рычагов власти.

Правильность выбранного курса в отношении мусульманской школы Туркестана опосредованно была подтверждена результатами сенаторской ревизии графа К.К. Палена, состоявшейся в 1909 г. В заключении по «Учебной части» он отмечал, что на момент ревизии в Туркестане так и не была создана нормативно-правовая база функционирования мусульманской школы. Учебная администрация, подведомственная МНП, не имела реальной возможности решать вопросы состава преподавателей этих школ, содержания образовательных программ и методов преподавания в них, выбора учебников. Подчинение мусульманской школы Туркестана учебной администрации выражалось лишь «в праве посещать их, наблюдать за недопущением в них противогосударственной пропаганды и собирать о них статистические сведения» (Отчет по ревизии..., 1910: 92-107, 119-124).

Тем не менее сенатор К.К. Пален констатировал, что в Туркестанском крае «положение дела наблюдения за мусульманскими школами до сих пор находится в более благоприятных условиях, чем в других местностях с мусульманским населением». К числу «благоприятных условий» он относил отсутствие «противодействия со стороны мусульманского духовенства не только к посещению этих школ и наблюдению за ними, но и к осуществлению тех мер, какие она находила необходимыми». К.К. Пален отмечал, что в Туркестане «за все время русского владычества не возбуждалось никаких ходатайств об изъятии мусульманских школ из ведения русской администрации и передаче их в ведение мусульманских духовных управлений». Это позволяло ему сделать вывод о том, что предложенная в свое время генерал-губернатором К.П. Кауфманом тактика «игнорирования мусульманской школы» оказалась оправданной (Отчет по ревизии..., 1910: 145-147).

5. Заключение

На рубеже XIX–XX вв. в правительственных кругах Российской империи состоялась дискуссия по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана. Ее основной причиной стал рост исламофобских настроений, усилившийся на фоне процессов консолидации мусульман империи. В ходе дискуссии МВД, Военное министерство настаивали на изъятии из компетенции Министерства народного просвещения мусульманских учебных заведений и передаче их в ведение администрации Туркестана. При этом проектировалось усложнение процедуры открытия новых образовательных учреждений, ужесточение контроля за процессом преподавания и подбором кадров в них. В ходе дискуссии подчеркивалось, что Министерство народного просвещения оказалось не способным осуществлять качественный надзор за мусульманской школой и противодействовать росту численности мектебов и медресе в Туркестане. Тем не менее Министерству народного просвещения удалось отстоять свои позиции и доказать, что выбранный им курс на невмешательство во внутреннюю жизнь мусульманской общины позволил российской администрации успешно сформировать систему управления регионом, избежав при этом всплеск мусульманского фанатизма. Вплоть до 1917 г. мусульманская школа продолжала находиться в компетенции МНП.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Бабаджанов, 2009 – *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонируемых») // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 155-200.

Духовской, 2006 – *Духовской С.М.* Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от инфантерии Духовского: Ислам в Туркестане. Ташкент, 1899. 20 с.

Императорская Россия..., 2006 – Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) // Сборник материалов / Под ред. Д.Ю. Арапова. М. 2006. 480 с.

Котюкова, 2009 – *Котюкова Т.В.* Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) // *Отечественные архивы*. 2009. № 1. С. 60-67.

Котюкова, 2010 – *Котюкова Т.В.* «Мусульманский вопрос в Туркестане» в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 9. С. 93-101.

Остроумов, 1899 – *Остроумов Н.П.* Константин Петрович Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1882 гг.) (К истории народного образования в Туркестанском крае). Ташкент, 1899. 287 с.

Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1910. Ч. 16: Учебное дело. 177 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сабитов, 1950 – *Сабитов Н.* Мектебы и медресе у казахов. Алма-Ата, 1950. 44 с.

Садвокасова, 2005 – *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX в.) Алматы, 2005. 333 с.

Тихонов, 2008 – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XIX – начале XX в. СПб., 2008. 353 с.

Шушкова, 2012 – *Шушкова М.Е.* Реформа управления туркестанским краем в начале XX в: разногласия между Санкт-Петербургом и Ташкентом // *Новый исторический вестник*. 2012. № 2 (32). С. 6-20.

References

AVPRI – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii. [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]

Babadzhanov, 2009 – *Babadzhanov B.* (2009). Andizhanskoye vosstaniye 1898 goda i «musulmanskij vopros» v Turkestane (vzglyady «kolonizatorov» i «koloniziruyemykh»). [Andijan uprising of 1898 and the "Muslim question" in Turkestan (views of "colonizers" and "colonized")]. *Ab Imperio*, № 2, p. 155–200. [in Russian]

Dukhovskoy, 1899 – *Dukhovskoy S.M.* (1899). Vsepoddanneyshiy doklad Turkestanskogo general-gubernatora generala ot infanterii Dukhovskogo: Islam v Turkestane. [Report of the Turkestan Governor-General, General of infantry spirit: Islam in Turkestan]. Tashkent, 20 p. [in Russian]

Imperatorskaya Rossiya..., 2006 – *Imperatorskaya Rossiya i musulmanskij mir (konets XVIII – nachalo XX v.)*. [Imperial Russia and the Muslim world (end of XVIII – beginning of XX century)] // *Sbornik materialov*. Pod redaktsiyey D.Yu. Arapov, Moscow, 2006. 480 p. [in Russian]

Kotyukova, 2009 – *Kotyukova T.V.* (2009). Semia Kerenskikh v Turkestanskom kraye (po dokumentam TsGA Respubliki Uzbekistan). [Kerensky family in Turkestan (according to the documents of the CSA of the Republic of Uzbekistan)]. *Otechestvennyye arkhivy*, № 1, pp. 60–67. [in Russian]

Kotyukova, 2010 – *Kotyukova T.V.* (2010). «Musulmanskij vopros v Turkestane» v nachale XX veka. [“The Muslim question in Turkestan” in the early twentieth century]. *Voprosy istorii*, № 9, pp. 93–101. [in Russian]

Ostroumov, 1899 – *Ostroumov N.P.* (1899). Konstantin Petrovich Kaufman. ustroitel Turkestanskogo kraya. Lichnyye vospominaniya N. Ostroumova (1877–1882 gg.) (K istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom kraye). [Konstantin Petrovich Kaufman. organizer of Turkestan region. Personal memories N. Ostroumova (1877-1882) (to the history of national education in the Turkestan region)]. Tashkent, 287 p. [in Russian]

Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края. произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. [Audit report of Turkestan region. produced by the highest command of Senator Hoffmeister count K. K. Palen]. Saint-Petersburg, 1910, Ch. 16: Uchebnoye delo. 177 p. [in Russian]

PSZRI – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. [Complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]

РГИА – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive]. [in Russian]

Sabitov, 1950 – *Sabitov N.* (1950). Mekteby i medrese u kazakhov. [The mektebs and madrasahs of the Kazakhs]. Alma-Ata, 44 p. [in Russian]

Sadvokasova, 2005 – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of XIX–beginning of XX centuries)]. Almaty, 345 p. [in Russian]

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki, musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX vv. [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Saint-Petersburg, 353 p. [in Russian]

Shushkova, 2012 – *Shushkova M.E.* (2012). Reforma upravleniya turkestanskim krayem v nachale XX v.: raznoglasiya mezhdru Sankt-Peterburgom i Tashkentom. [Reform of the administration of the Turkestan region at the beginning of the twentieth century: the controversy between St. Petersburg and Tashkent] // *Novyy istoricheskiy vestnik*, № 2(32), pp. 6–20. [in Russian]

Дискуссия центральных и региональных органов власти по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана (конец XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется дискуссия российского правительства, возникшая на рубеже XIX–XX вв. по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана. Ее причиной стал рост исламофобии, усиливавшийся на фоне процессов консолидации мусульман Российской империи. Министерство внутренних дел, Военное министерство и администрация Туркестана были убеждены в необходимости принятия экстренных мер, направленных на ужесточение контроля со стороны государства за мусульманской школой. В дискуссии они подчеркивали, что Министерство народного просвещения оказалось не способным осуществлять качественный надзор за ней и противодействовать увеличению численности мектебов и медресе. Ими предлагалось изъять из компетенции Министерства народного просвещения и передать в ведение администрации Туркестана, подчинявшейся Военному министерству, контроль за мусульманской школой. При этом проектировалось усложнение процедуры открытия новых образовательных учреждений, ужесточение контроля за процессом преподавания и подбором кадров в них. Министерство народного просвещения, в свою очередь, считало оправданным выбранный им курс. Невмешательство во внутреннюю жизнь мусульманской общины, по мнению министерства, позволило российской администрации успешно сформировать систему управления регионом, избежав при этом вспышек мусульманского фанатизма. Длившаяся около шести лет дискуссия по вопросу о ведомственной принадлежности мусульманской школы Туркестана завершилась победой Министерства народного просвещения. Главной причиной стало стремление правящих кругов не допустить усиления позиций туркестанского генерал-губернатора, поскольку параллельно в этот период происходило сокращение ряда его должностных полномочий, направленных на ограничение власти.

Ключевые слова: Россия, Туркестан, империя, мусульманская школа, мектеб, медресе, дискуссия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)